

местные условия и своего противника, как Кутузов. Вместе с тем, по словам А.И. Михайловского-Данилевского, и «паши знали Кутузова со страшных для них екатерининских времен, а Царьград помнил в нем посла великолепного, политика глубокого и красноречивого» (с. 336). В результате, вопреки планам Наполеона, который никак не ожидал такого поворота событий, 16 мая 1812 г. русско-турецкая война была завершена подписанием Бухарестского мирного договора. Удивительно, но в 1812 г. Кутузову удалось в течение одного года завершить две войны «полным истреблением неприятеля».

1812 год, конечно, занимает особое место в жизни полководца. Как отмечает Ивченко, назначение Кутузова главнокомандующим русской армией, «состоявшееся против воли Государя, явилось полной неожиданностью и для императора, и для Барклая, и еще неизвестно, кто из них двоих был больше оскорблен и обескуражен» (с. 364–365). Кутузов вступал в командование русской армии в необычайной ситуации. Незадолго до этого ее генералитет «указал на дверь» самому императору и открыто выражал недовольство военным министром Барклаем де Толли. Назначение главнокомандующим Кутузова в высшей военной иерархии было воспринято холодно. Многие влиятельные генералы являлись скорее его соперниками или, как выражался Ермолов, «совместниками», нежели сотрудниками. «Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем!», – заявлял кн. П.И. Багратион, почти не скрывая своего раздражения (с. 374). Приняв пост главнокомандующего, Кутузов оказался в окружении враждебно настроенных людей, прекрасно осведомленных о неприязни к нему Александра I, но именно в этой среде он должен был найти себе опору. Таких преданных помощников, как

его ученик К.Ф. Толь, у полководца было немного. Ивченко всесторонне анализирует обстоятельства, побудившие Кутузова дать генеральное сражение, а также сам ход Бородинской битвы, в которой Михаил Илларионович, вопреки мнению некоторых современных исследователей, проявил себя «не дремлющим стариком», а деятельным главнокомандующим. На страницах книги живо воссоздается напряженная атмосфера военного совета в Филях, с особым чувством описаны автором оставление французами Москвы, сражения под Малоярославцем, Вязьмой, Красным и на Березине.

В последней главе Ивченко отмечает, что после победы над Наполеоном Кутузов, говоря его же словами, «достучался до дверей для него запертых»: император сменил свое нерасположение на милость. Он, видимо, понял истинную причину преданности к себе старого полководца, которого ранее считал льстецом и низким интриганом: «В глазах Кутузова Государь был прежде всего внуком Екатерины Великой, которому он прощал все обиды, старался предостеречь от бед, принимал на себя его промахи» (с. 453). По-видимому, и самому Александру I Кутузов стал интересен. «Может быть, – полагает Ивченко, – общаясь с Кутузовым, который воплощал минувшее, он забывал о своем разладе с бабушкой и в памяти всплывало самое главное – любовь к нему Екатерины» (с. 454).

М.И. Кутузов, безусловно, станет ближе и читателям книги Л.Л. Ивченко, которые получают огромное эстетическое, нравственное и духовное удовольствие, познакомившись с этим серьезным и вдумчивым исследованием.

А.М. Рязанов,
директор Государственного
историко-литературного
музея-заповедника А.С. Пушкина

В.С. Парсамов. Декабристы и Франция. М.: РГГУ, 2010. 440 с.

История декабризма и декабристов неисчерпаема и не подвержена временным колебаниям исследовательского интереса. Выход в свет обширной монографии В.С. Парсамова служит тому очередным

подтверждением. Название работы и шире, и уже ее проблематики. С одной стороны, автор затрагивает спектр русско-французского идейного взаимодействия, часто слабо или даже вовсе не связанного

с формированием идеологии и практики декабризма, а касающегося общих вопросов культурной жизни дворянской России начала XIX в. С другой стороны, во введении подчеркивается, что «речь пойдет не о выявлении французских отпечатков в декабризме как целостном идейном течении, а о частных случаях восприятия французских текстов деятелями тайных обществ. Поэтому в центре исследования не абстрактные идеи, а их вполне конкретные носители и реципиенты» (с. 8). Автор указывает, что кажущееся аксиоматичным воздействие французской политической и художественной культуры на складывание взглядов декабристов хотя и служило объектом внимания многочисленных историков как в России, так и за рубежом, далеко не получило должной оценки, оставаясь преимущественно на уровне общих деклараций внешней очевидности фактов.

Стремясь восполнить имеющийся в историографии пробел, В.С. Парсамов выбирает для своей работы семь главных героев: Н.И. Тургенева, П.И. Пестеля, Н.М. Муравьева, М.С. Лунина, М.Ф. Орлова, А.П. Барятинского и В.Л. Давыдова. Справедливо предчувствуя, что выбор персонажей может показаться читателям несколько произвольным, автор поясняет, что «объектом исследования стали не произвольно выхваченные... имена, а наиболее подходящие для данной темы лица... Первые пять – идеологи декабризма, создавшие программные документы или же рефлексирующие по поводу движения после его разгрома... Двое последних к идеологии прямого отношения не имеют. Авторский интерес к ним вызван главным образом их франкоязычной поэзией, имеющей приватный характер и являющейся частью культурного быта. Таким образом все исследование, с методологической точки зрения, делится на две части: в первой исследуются идеологические аспекты декабристской рецепции французской культуры, во второй – ее культурно-бытовая сторона» (с. 8). Надо, однако, заметить, что М.Ф. Орлов привлёк внимание историка в основном благодаря своему раннему письму к Ж. де Местру, которое не подпадает под определение, характеризующее первых пятерых персонажей книги. Что же касается теоретико-

методологической основы работы, она как раз неразноречива, а полностью укладывается в ведущее современное направление культурологии, понимаемой в первую очередь как приоритет интереса к диалогу культур, т.е. восприятию культурных традиций одной страны представителями иной культуры, что естественно требует самого многостороннего освещения.

Структурно монография распадается на пять глав, фактически представляющих собой самостоятельные исследования и тематически пересекающихся лишь в рамках заявленной широкой темы «Декабристы и Франция». Первая глава «На переломе эпох. К проблеме формирования декабристской идеологии» посвящена проблеме складывания русского либерализма, в котором автор различает правительственную (Александр I) и декабристскую линии, противоположные и друг другу, и французскому послереволюционному либерализму, бывшему источником для обеих. Наиболее яркой иллюстрацией принципиальных расхождений трех позиций автор считает отношение к конституции Царства Польского, как известно, чрезвычайно взволновавшей русское дворянское сознание и ставшей, по уверениям И.Д. Якушкина, катализатором формирования тайных обществ. Сопоставляя позиции в этом вопросе российского императора, Б. Констана и других европейских авторов, Пестеля, Орлова, Тургенева, Лунина, исследователь довольно жестко пишет, что «патриотизм декабристов еще не стал достаточно либеральным, а их либерализм – достаточно патриотичным» (с. 85). Наиболее верной ему представляется позиция Лунина, который «фактически вернулся к пониманию того, что решение польского вопроса, предложенное Александром I на Венском конгрессе и встретившее такое яростное сопротивление как европейских правительств, так и русских патриотов, было единственно правильным и отвечало интересам как поляков, так и русских... Все было испорчено бездарной политической русских властей в Польше и нерешительностью Александра в преследовании поставленных им же целей» (с. 87). Не вдаваясь в вопрос, отражает ли данное утверждение именно лунинскую или ав-

торскую позицию, следует сказать, что сибирские письма Лунина были написаны в эпоху отмены польской конституции после восстания 1830–1831 гг., когда предложенная Александром форма решения польского вопроса проявила себя во всей полноте положительных и отрицательных сторон, и оценивать ее стало легче, чем в эпоху Пестеля. По сути дела, здесь ярко проявляется заявленное автором стремление изучать не «декабризм как идейное течение», а «частные случаи восприятия французских текстов» его отдельными представителями.

Во второй главе рассматривается трансляция английских политических идей через французские тексты в Россию, т.е. речь идет о своего рода «диалоге культур в квадрате». Действительно, лишь немногие русские англоманы владели английским языком, прочие читали англоязычных авторов во французских переводах (часто очень неточных и тенденциозных) или даже во французских пересказах. В то же время редкие знатоки английского могли и не становиться проводниками британского влияния в России (А.С. Грибоедов, Н.Н. Муравьев (Карский) и др.) Интересно, что, фокусируя свое внимание на значимости воздействия на декабристские взгляды именно английской политической системы (а не, скажем, английской литературы или историографии), изученной в основном через французские тексты, В.С. Парсамов опирается в своих выводах на поздние работы Н.И. Тургенева и Лунина, уже далекие от споров о лучших формах государственного устройства, никак не касаясь «Конституции» Н. Муравьева и ее источников. Расхождение позиций двух представителей «декабризма после декабря» исследователь видит в их выборе ориентиров для политического будущего России. Для Тургенева «английская цивилизация себя исчерпала. В своей политической системе и экономическом процветании она достигла той степени совершенства, дальше которой идти просто некуда... В этом отношении не Англия, а Франция (как менее совершенная и более достижимая цель. – *Е.Ц.*) должна стать примером для России» (с. 138). Лунин же видел идеал именно в английской конституции, понимаемой им как система, сло-

жившаяся до революции 1688 г., поскольку он постоянно подчеркивал ее связь с католической эпохой в истории Англии. Однако актуальность этих рассуждений в 1830-е гг., их соотношение со взглядами новых поколений русских либералов и революционеров остается за рамками исследования.

Третья глава рецензируемой книги касается наиболее очевидной проблемы создания двух программных документов декабризма («Русской правды» Пестеля и «Конституции» Муравьева), восходивших к единой политической традиции восприятия Французской революции и ее уроков, но настолько различных, что автор видит в них истоки «двух течений в русском освободительном движении: революционного и либерального» (с. 151–152). Последнее утверждение, очевидность которого не столь бесспорна, как кажется В.С. Парсамову, сводится в работе к проблеме отношения Пестеля и Муравьева к «террору» – понятию, терминологии и содержанию которого уделено особое внимание. При этом речь идет не о массовом терроре якобинцев, а о принципах власти (диктатура – парламент) и отношении к царевубийству. Итоговый вывод автора состоит в том, что «идея царевубийства, зародившаяся в “Союзе спасения” как воплощение в жизнь римских добродетелей, с одной стороны, трансформируется в замысел истребления царской семьи с полным пониманием всей преступности этого мероприятия, а с другой стороны – вытесняется европейскими понятиями о неотъемлемых правах каждой отдельной личности на жизнь и свободу» (с. 236). Следует признать, что автор невольно оказался в плену стереотипов, забыв и об особенностях позиции Пестеля среди декабристов вообще и на следствии в частности, и о том факте, что не Англия или Франция, а именно Россия до 1825 г. единственная не приводила в исполнение смертные приговоры (за двумя исключениями) и, стало быть, блюла права личности если не на свободу, то на жизнь. Во всяком случае, фраза «Пути революционного насилия и либеральных преобразований навсегда расходятся», фактически превратившая Северное и Южное общества в два совершенно различных явления

в русском общественном (не революционном?) движении, представляется слишком расширительной для проанализированного материала.

Глава о влиянии религиозно-консервативной мысли Франции на декабристов посвящена известным фактам католического воспитания и воспитания католиками (что отнюдь не одно и то же) будущих декабристов. Автор приходит к справедливому выводу об отсутствии влияния католицизма на декабристские идеи, что и понятно, поскольку никто не был дальше от идеи политических преобразований в любом виде, нежели католическая церковь и ее представители в России: аббат Николь, Ж. де Местр, иезуитские проповедники начала XIX в. Парадоксальное влияние католицизма на становление русского либерализма проявлялось в кругах, далеких от декабристских устремлений. Здесь привлекает внимание попытка В.С. Парсамова связать с сочинениями де Местра анонимный «Проект представления императору» 1808 г., выражающий недовольство внутренней и внешней политикой Александра в выражениях, по мнению автора, близких к текстам сардинского посланника. Даже если принять данный факт, атрибуция «Проекта» М.Ф. Орлову и, следовательно, включение его в декабристское русло, жиждется на том, что «если нет прямых данных, говорящих в пользу того, что автор – М.Ф. Орлов, то тем более нет доводов, опровергающих данное предположение» (с. 258). Более существенен вывод о «едином идейном пространстве» (с. 256) текстов де Местра и «Проекта». Здесь как раз и видится тот диалог культур, в котором католические идеи трансформировались в России в нечто им противоположное под влиянием национальной ситуации.

Католическая эстетика зрелого Лунина, никак не связанная с его политическими

взглядами и судьбой, служит неким переходом к последней главе о влиянии французской художественной культуры на русскую художественно-бытовую культуру. Автор справедливо выводит домашнюю поэзию кн. Барятинского и Давыдова из сферы литературы, где она занимает слишком незначительное место, в сферу дворянской бытовой культуры. И в этом плане заурыдные стихи открывают незаурыдное по сути явление отличия декабристов от последующих поколений русских революционеров. Автор совершенно прав, подчеркивая отсутствие нормальной семейной жизни, принципиальное или вынужденное неприятие домашнего уюта революционерами второй половины XIX – начала XX в. И дело тут не только в нелегальном положении последних или в дилетантизме и неопытности декабристов. Вопрос, который на очень скромном материале затронул В.С. Парсамов, на самом деле является одним из ключевых в понимании эволюции русского революционного (или даже околореволюционного) сознания, его внутренних побудительных причин, его скрытых пружин. Правда, эта проблема выходит далеко за рамки воздействия французской культуры, где большинство мыслителей XVIII в., даже Руссо, на практике не признавали значимости семейного очага, зато именно она является наиболее неразработанной, трудноуловимой, но и крайне актуальной в рамках изучения общечеловеческих гуманитарных ценностей. И может быть, именно тема «Семья и революция» станет свежим вкладом в, казалось бы, исхоженную тематику декабризма.

Е.Н. Цимбаева,
кандидат исторических наук
(Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова)